обучения. Следующая существенная трудность определялась низким уровнем математической подготовки историков. Обучение приходилось начинать не с конкретных методов, а с единиц измерения, вычисления средних величин, процентов и т.п. Поэтому с учетом небольшого объема спецкурса (36 час.), как правило, не достигалась его главная цель - привить субъектам традиционных исторических исследований, опирающихся часто на гипотетические рассуждения общего порядка, умение оперировать точными фактами, выраженными в количественной форме. Определенные трудности возникли также из-за негативного отношения к новым дисциплинам некоторых преподавателей, что вытекало из непонимания сути количественных методов, необходимости сокращения из-за них традиционных курсов и др. факторов. Подобное отношение передавалось части студентов.

В1996 г. спецкурс был увеличен примерно в два раза и, наряду с наиболее простыми приемами обработки количественных данных, стал включать рассмотрение основ дисперсионного, регрессионного, корреляционного методов, и даже элементы информационного анализа. К этому же времени, историки, в основном, были обеспечены и современными компьютерами. Увеличение объема спецкурса благотворно сказалось на умении студентов извлекать из общественных явлений количественные характеристики, анализировать их взаимосвязь при рассмотрении динамики производства, торговли, демографических, социально-экономических и других массовых процессов и способствовало их адаптации к информатике вообще и системе математико-статистических программ для ЭВМ в частности.

В настоящее время основные проблемы кроме вышеназванных, вытекают, прежде всего, из противоречий между спецификой количественной формализации общественных явлений и тем, что почти все типовые программы для ПК составлены либо математиками, либо представителями других точных наук, обладающими иным научным менталитетом.

Например, в точных науках важны, прежде всего, абсолютные показатели, а в общественных - относительные. Часто эти программы ("Олимп", "Мезозавр", "Дистат" и др.), изобилуя совершенно ненужными для историков показателями типа смещенных и несмещенных дисперсий, начальных и центральных моментов высоких порядков, многочисленными формулами всевозможных кривых и т.д., не включают элементарные приемы ранжирования, стандартизации и нормирования переменных, оценки критериев случайности и согласия, величины автокорреляции. В упрощенных вариантах представляются чрезвычайно ценные именно для историков методы кластерного и факторного анализа и т.п. Это явление нормальное и выход из него видится в дальнейшем

сотрудничестве историков, статистиков, программистов и др.

В целом перспективу преподавания спецкурса количественных методов для историков, в Мордовском университете можно назвать благоприятной.

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ

Автайкин И. Е.
Мордовский госуниверситет

Вопросы совершенствования организации и качества образования, в т. ч. и национального в Мордовии постоянно привлекали внимание общественности и исследователей. В условиях утверждения в стране новых экономических, политических, социальных и идеологических основ этот интерес возрастает особенно.

В прошлом веке специально проблемы национального образования в республике не подвергались глубокому всестороннему анализу. Они освещались в трудах, рассматривающих в целом работу школ и в книгах, посвященных культуре. На рубеже веков и в начале XXI века проблемы национального образования и воспитания становятся предметом специального исследования. В этом плане интересны книги Н.Ф. Беляевой, С.В. Грачева, Р.Н. Ямашкиной, Н.П. Макаркина; статьи А.И. Ефимовой, Л.А. Нарядкиной и др.

К настоящему времени создана необходимая литература, позволяющая более глубоко и всесторонне исследовать историю и развитие мордовского национального образования, как неотъемлемой составной части политики государства в области образования.

Актуальность рассматриваемой нами темы бесспорна и чрезвычайно важна. Научная и практическая жизнь настойчиво требует дать исчерпывающие ответы на многие насущные вопросы становления, развития и будущего национального образования в республике Мордовия. Первый из них: куда идет российская школа вообще и национальная мордовская в частности?

Села пустеют. Школы закрываются. Только в этом году в Торбеевском районе Мордовии закрыто две школы. Одна восьмилетняя школа стала с. Носакино только два первоклассника. В районе из 2 923 учащихся, всего 268 первоклассников. Аналогичное положение и в других районах республики.

В 1960 г. в Мордовии функционировало 1 484 общеобразовательные школы, в 2000 г. – 791 школы. Из них 184 мокша-мордовских, 117 – эрзя-мордовских и 32 татарских. В 2004 г. насчитывается 731 школа, где обучается 104 795 учащихся. Первоклассников из них – 7 058, а в 1991 г. их было 14 992.

Как виимо, идет резкое сокращение числа школ и учащихся в них. Эта проблема должна быть в центре внимания Правительства республики. Необходимо принять срочные меры, чтобы приостановить процесс сокращения школ, не допустить, чтобы в малонаселенных пунктах дети оказались не охваченными школьной учебой.

На наш взгляд, серьезной проблемой национальной школы республики также является качество знаний учащихся. Автор, участвуя в работе приемных комиссий в Мордовском госуниверситете, неоднократно сталкивался с абитуриентами подготовленными крайне слабо.

Министр РМ и ряд политиков считают одним из факторов повышения качества образования единый государственный экзамен (ЕГЭ).

По их мнению, данный государственный экзамен призван на практике решить проблемы оценки качества школьного образования. Он вроде бы оказывает положительное влияние на учащихся, заставляет более усердно относиться к учебе. Однако врачи и педагоги в один голос говорят, что нагрузки современной школы, в том числе и национальной, становятся непосильными для неокрепшего детского организма. ЕГЭ стал настоящим испытанием на прочность психики выпускников. Психологическая нагрузка оказывается непосильной для школьников. Только в одном из пунктов сдачи ЕГЭ из 400 выпускников за медицинской помощью вынуждены были обратиться 14 человек. Таким образом, возлагать особые надежды на ЕГЭ, думается, нет больших оснований. Очевидна необходимость более эффективных, глубоко продуманных форм и методов учета знаний учащихся, повышения качества образования школьников. На наш взгляд, этому может способствовать совершенствование всей образовательной политики Российского государства. Нельзя перекладывать эту важнейшую задачу на плечи местных органов власти, что в наши дни стараются настойчиво проводить. У родителей и всей общественности республики возникает озабоченность – сможет ли местный бюджет обеспечить всю полноту финансирования деятельности образовательных учреждений и особенно национальных школ, требующих вложения значительных средств, связанных с обучением на родном языке. Ведь не секрет, до сих пор многие национальные школы республики не в полной мере обеспечены соответствующей литературой, учебниками и вспомогательным оборудованием. Местное финансирование школ уже проводилось в стране в 1930-е гг. И тогда же от него отказались из-за возникшего кризиса в системе школьного образования.

Я, как историк и учитель с более чем полувековым стажем зная, что только общегосударственная программа совершенствования деятельности всех школ и национальных в особенности сможет дать образованию XXI века новое качество.

К ВОПРОСУ О СОБИРАТЕЛЬСТВЕ КАК ХОЗЯЙСТВЕННОМ ЭЛЕМЕНТЕ У КУМАНДИНЦЕВ ПРЕДГОРНОГО АЛТАЯ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ

Байжуманова Н.К.
Бийский государственный педагогический университет им. В.М. Шукшина

Дореволюционный Алтай являлся отсталой сельскохозяйственной окраиной царской России. Все земли, леса, воды и недра согласно «высочайшего повеления» составляли «частную собственность государя-императора» и находились под управлением «Кабинета Его Величества».[1]

Коренное население - алтайцы - «не представляло собой единой народности в строгом смысле этого слова», а делилось на обособленные родоплеменные группы: алтай-кижи, теленгиты, телеуты, тубалары, кумандинцы и челканцы. «Между этими группами существовало различие, и иногда довольно глубокое, как по языку, так и по культуре».[2]

Алтай входил в состав Бийского уезда Томской губернии. По административному устройству алтайцы распределялись между волостями Комляжской, Южской, Кергежской, Кузенской, Нижне-Кумандинской, Верхне-Кумандинской и 7 дючинами. Кроме того, имелись две Чуйских волости, которые по характеру расселения примыкали к дючинам.

В основе образования волостей лежал территориальный принцип. Что же касается дючин, то они не имели определенной территории, а объединяли алтайцев, принадлежащих к тому или иному роду (сеоку), независимо от их места проживания. Так что, например, в одном урочище могли проживать алтайцы, принадлежавшие к различным дючинам. Всего на Алтае, по подсчетам П. Е. Тадыева, насчитывалось 200 родов.[3]

Во главе волостей стояли родоплеменные старосты по русскому образцу, а дючинами управляли зайсаны - родоплеменные князьки. Их помощниками были демичи, а также более мелкие администраторы - шуленги. Должности зайсанов, родоплеменных старост и демичей считались выборными, но фактически они назначались царскими чиновниками и подлежали утверждению администрацией Томской губернии.[4]

Обычно зайсанами и родовыми старостами становились наиболее влиятельные и богатые баи, готовые выполнить любое распоряжение царской администрации. Официально зайсаны и родовые старосты подчинялись бийскому исправнику, но фактически всеми делами ведал помощник исправника, так называемый отдельный алтайский заседатель, осуществлявший управление с помощью русских писарей.[5]

Раскладкой и сбором налогов ведали зайсаны и родовые старосты. Сами же зайсаны и их помощники, как представители администрации, от налогов освобождались. Они же вершили суд и расправу. Вместе с тем коренное население на общих основаниях подчинялось крестьянским начальникам, а их судебные дела были подведомственны мировым судьям.

Такой порядок управления существовал вплоть до административной реформы и землеустройства, проведенного в 1911-1913 гг., когда алтайские дючины были преобразованы в волости, образованные по территориальному признаку, а зайсанат заменен копией русского волостного управления.

---

[1] ЦХАФ АК, ф.29, оп.1, д.991, л.7.

[2] Тадыев П.Е. Этнический состав дореволюционных алтайцев и особенности их административного устройства. // «Записки Горно-алтайского НИИ». Вып.6-й, Горно-Алтайск, 1964, с.5.

[3] Тадыев П.Е. Этнический состав дореволюционных алтайцев и особенности их административного устройства. // «Записки Горно-алтайского НИИ». Вып.6-й, Горно-Алтайск, 1964, с. 7.

[4] ЦХАФ АК, ф.29, оп.1, д.991, л.7.

[5] Потапов Л.П. Народы Южной Сибири. Новосибирск, 1953, с.122.